

П. В. Ильин

**«Другие декабристы»:
деятели тайных обществ 1810–1820-х гг.,
избежавшие судебного приговора,
как исследовательская проблема**

Один из главных декларируемых посылов современной историографии декабристского движения — поиск нового взгляда на историю тайных обществ, новых подходов и принципов изучения, позволяющих, с одной стороны, избавиться от идеологизированной схемы «единой революционной партии декабристов» советского периода, с другой — дать новое, непротиворечивое и концептуальное понимание истории декабристских организаций.

На современном этапе изучения осуществлены интересные и содержательные попытки утверждения новых подходов к изучению истории декабризма. В этой связи следует выделить исследование ведущего современного историка декабристов В. М. Боковой, обстоятельный монографический труд Т. В. Андреевой, книгу В. С. Парсамова, в которой рассматривается процесс складывания и развития декабристской идеологии¹. В первых двух работах декабристская конспирация помещается в контекст общественных начинаний и разнообразных проявлений современной декабристам общественно-политической жизни, в последней представлен современный взгляд на процесс формирования политических идей лидеров декабристских союзов.

Автор настоящей статьи предложил бы обратить внимание на другую сторону в изучении феномена декабризма, до сих пор не имеющую однозначного отражения в научной традиции, несмотря на кажущуюся ясность и практическую

достижимость связанных с ней прагматических исследовательских задач. Речь идет об исследовании состава участников движения декабристов, которым автор занимается уже многие годы². Приступая к изучению данной проблематики, мы столкнулись с внутренней противоречивостью в восприятии истории тайных обществ декабристов, присущей научной традиции практически с самого ее начала. Следует признать, что эта противоречивость возникла и продолжает существовать до настоящего времени не просто так, не случайно, а как следствие более серьезной проблемы.

Историю тайных обществ принято называть «движением декабристов». Однако в исторической традиции не все участники этого движения признаются таковыми. Так обнаруживается определенный логический сбой или казус, неслучайный по своей природе. В самом деле, в исследовательской практике наличествует весьма пестрая и противоречивая картина определений и оценок. В Союзе благоденствия, традиционно считающемся одним из этапов «движения декабристов», наряду с лицами, признанными в качестве декабристов, присутствуют также лица, чаще всего характеризующиеся иначе: участвующие в движении декабристов, причастные, «прикосновенные» к тайным обществам и т.д. Подобная практика встречается не только в области исторической публицистики, но и в рамках научных трудов, вошедших в фонд базовой научной литературы³.

На первый взгляд, ситуация объясняется просто: некоторые из деятелей ранних тайных обществ приняли кратковременное участие в декабристском движении, поэтому не могут считаться его полноценными участниками, другие были настолько умеренны в своих политических помыслах, что попали в это движение в некотором смысле случайно, выступая внутри него в определенной мере «чужеродным элементом». Однако при более внимательном, углубленном изучении вопроса оказывается, что такое объяснение является поверхностным. Такого рода случаи действительно есть, но документально обоснованы лишь считанные единицы подобных примеров⁴. Дело осложняется тем, что аналогичная картина обнаруживается при обращении к оценкам и характеристикам, относящимся к участникам поздних декабристских тайных союзов, считающихся более радикальными по своей политической программе и тактическим установкам — Северному и Южному. Некоторые участники этих обществ, в частности избежавшие суда, также признаются лишь «причастными», «прикосновенными», «замешанными» в событиях, оказавшимися «рядом с декабристами»⁵.

В чем же здесь дело? Дело в конкурентном, одновременном существовании различных пониманий и представлений о том, кто такие декабристы, кого и по каким критериям можно к ним относить.

Недавно, в 2000–2010 гг., состоялась дискуссия относительно того, кого считать декабристом, в которой приняли участие в основном представители нового поколения исследователей⁶. Необходимо признать, что настоящего научного диспута не получилось: были прояснены основные позиции (с некото-

рыми погрешностями в их передаче), произошел обмен мнениями на страницах ряда сборников и журналов. По итогам «дискуссии» не было выработано общее видение вопроса, стороны не пришли к консенсусу, более того, обмен мнениями был искусственно прекращен. В настоящей статье читатель может увидеть определенный итог размышлений автора, касающихся данного вопроса, в приложении к одной из новых задач изучения декабристского наследия (политического, идейного, письменного) в его совокупности, полноте и объективном отражении. Речь идет о политическом опыте, идейном вкладе в движение и творческом наследии тех, кого в историографии не принято (или как правило не принято) считать декабристами, а их наследие рассматривать сквозь призму участия этих лиц в оппозиционном общественно-политическом движении эпохи Александра I.

В историографии сложились несколько основных пониманий термина «декабристы». Они систематизированы и рассмотрены в статьях С. Е. Эрлиха 2000 г.⁷ Все существующие варианты происходят от определений, заложенных еще самими декабристами и современной им публицистической литературой.

1. Самая узкая трактовка: декабристы — это участники выступления 14 декабря 1825 г. Совершенно очевидно, что это определение охватывает собой лишь часть исторического явления (большинство лидеров, в том числе идеологи движения декабристов, не участвовали в открытых выступлениях).
2. Примыкающая к первой трактовка: декабристы — это политические радикалы-революционеры, поднявшие открытое восстание против государственной власти, также не отражает в себе всё движение декабристов целиком.

Далее следуют три конкурирующих трактовки, которые создают в исследовательской практике отмеченную выше противоречивую картину, вызывая существенные различия в понимании термина, влияющие в свою очередь на исследовательские методы и подходы, оценки тех или иных персоналий и участников движения.

3. Характерная для советского периода историографии, но открыто не декларируемая трактовка: декабристы — это участники только поздних тайных обществ 1821–1825 гг., более радикальных по своим программным и тактическим принципам. Эта трактовка оставляет подавляющее большинство членов Союза спасения и Союза благоденствия за скобками понятия «декабрист». В данном случае мы находим прямые последствия идеологизации исторических оценок, непосредственное влияние представлений о том, что декабристы — это исключительно политические радикалы, преследовавшие цель «военной революции». Если участник движения склонялся к умеренной политической тактике, придерживался просветительской программы действий, то он не декабрист, даже если состоял в тайном обществе.

4. Очень влиятельная в историографии трактовка — можно сказать, самая влиятельная: декабристы — это пострадавшие в результате судебного-следственного процесса 1825–1826 гг., прежде всего — осужденные по приговору Верховного уголовного суда. Применение этой трактовки официально отвергалось ведущими представителями советской историографии, однако на деле очень часто именно такое понимание «декабризма» и «декабристов» преобладало в научной литературе.

М. В. Нечкина вспоминала, что в конце 1920-х гг. известный историк-правовед Б. И. Сыромятников выступил с докладом о том, кого следует считать декабристами. Он предлагал признать единственным критерием наличие приговора Верховного уголовного суда или документальных свидетельств о наложенном административном (несудебном) наказании. «Участники обсуждения единодушно восстали против такого критерия, который “определял в декабристы” человека по воле Николая I», — отмечала М. В. Нечкина⁸.

С формально-юридической точки зрения такое понимание термина выглядит логичным и обоснованным: участие в тайном союзе, установленное официальными правительственными органами — судебный приговор (или акт о несудебном наказании), служащий единственным подтверждением реального участия в декабристском движении — как итог, документированное основание для отнесения к декабристам. Однако с конкретно-исторической (или фактологической) точки зрения эта логическая цепочка не выдерживает никакой критики, а применение такого критерия страдает неполнотой и необъективностью.

Во-первых, очевидно, что не все факты и обстоятельства, связанные с персональным участием в тайных обществах того или иного лица, могли быть установлены в ходе официального расследования, что обусловлено как неравномерным вниманием следствия к различным обстоятельствам дела, так и тактикой защиты обвиняемых⁹. Во-вторых, суд по делам о «государственном преступлении» часто необъективен и пристрастен, а его решения произвольны¹⁰. В-третьих, по воле императора не все участники движения были подвергнуты наказанию, соответствующему выявленной «вине»: многие, как известно даже из основной исторической литературы, были прощены или освобождены от ответственности иным образом, несмотря на установленную «виновность»¹¹. В-четвертых, имелись участники движения, оставшиеся правительству неизвестными¹². Наконец, в-пятых, не следует забывать о тех, кто ушел из жизни до начала суда и следствия (среди них можно встретить заметных участников тайных обществ, в частности М. Н. Новикова, автора не дошедшего до нас первого конституционного проекта декабристов, повлиявшего на П. И. Пестеля¹³, умершего в Петропавловской крепости А. М. Булатова и др.).

Всё сказанное делает распространенную стихийную практику отнесения к числу декабристов в основном тех, кто подвергся судебному (а также несудебному) наказанию, охватывающую в том числе научные труды, весьма несовершенной.

Историки (вслед за М. В. Нечкиной) формально отрешивались от этой трактовки, но даже на современном этапе историографии зачастую продолжают на практике опираться на вердикт следствия и приговор суда как достаточное и объективное основание для оценки участия того или иного лица в декабристском движении¹⁴. Историки на протяжении десятилетий стихийно закладывают формулировки «царского следствия и суда» в основу решения вопроса: является ли тот или иной участник общественного движения «декабристом» или только «причастным», «прикосновенным к делу». Эта сложившаяся практика, свойственная исследователям как дореволюционного этапа историографии, так и советского и современного, представляется неправомерной и необоснованной с методологической точки зрения. Историк обладает собственным арсеналом критических приемов и методов изучения источников, анализа и сопоставления указаний следственных показаний и иных документов, что позволяет установить степень достоверности и значимости содержащихся в них свидетельств¹⁵.

Между тем специалисты по изучению декабризма нередко продолжают придерживаться в своей работе нехитрого (хотя и удобного) практического приема: открыть составленный делопроизводителем Следственного комитета А. Д. Боровковым «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ...», посмотреть, что сказано в нем о «виновности» того или иного лица, причастности его к декабристским союзам, а затем воспроизвести эту формулировку в своей работе. Шаблон до сих пор продолжает определять исходное, базовое основание для оценок: если следствие выявило «виновность», если состоялся приговор суда — значит, перед нами «полноценный» декабрист, если следствие установило только определенную степень «причастности», если подозреваемый избежал суда или несудебного наказания, то он не является декабристом. Если то или иное лицо было оправдано официальным следствием, то уж точно ни при каком случае не может быть участником декабристского движения.

По существу, налицо большая методологическая ошибка, ограничивающая круг реальных участников движения (взгляд сквозь призму выводов официального следственного органа) и, тем самым, исследовательские возможности. Она заключается в использовании формулировок и оценок следствия вместо обращения ко всему фонду имеющихся документальных свидетельств (показаний, доносов, другой документации), в подмене анализа следственных материалов и других источников — воспроизведением вердикта официального следствия и суда. Таким образом, реальность, имевшая место в прошлом, предстает не в полном и объективно отраженном виде. Стихийно историки продолжают апеллировать по существу даже не к следственным показаниям, полученным в ходе процесса, а к компиляции определенного круга свидетельств, собранной или подобранной составителем «Алфавита» А. Д. Боровковым по его выбору и разумению. Между тем, данные этого сводного документа следствия по сравнению со следственными показаниями редуцированы¹⁶.

В реальности, если обратиться к имеющемуся фонду следственной документации и другому источниковому материалу, картина оказывается значительно сложнее: в категориях прощенных, освобожденных, признанных невиновными присутствуют лица, которые играли часто не меньшую роль в истории тайных обществ, нежели многие из получивших судебный приговор или наказанных без суда¹⁷.

5. Как нам представляется, наиболее корректная и выверенная трактовка понятия «декабрист», которой придерживался и придерживается автор настоящей работы: декабристы — это участники преемственно сменяющих друг друга тайных обществ определенного ряда и инициированных этими обществами заговора и военных выступлений 1825–1826 гг.

Данная трактовка не позволяет отрывать одних участников движения от других, одни категории деятелей тайных обществ (осужденных, наказанных без суда¹⁸, прощенных, освобожденных по итогам расследования, не привлекавшихся к следствию, оставшихся правительству неизвестными) от других, в зависимости от исхода судебно-следственного процесса. Напротив, она охватывает историческое явление в его полном виде. Все участники движения, все члены тайных организаций на разных этапах истории декабристских союзов — декабристы, какое бы участие они ни принимали, длительное или кратковременное. Нам представляется правильным методический принцип, кратко сформулированный В. М. Боковой: «“Декабрист” — это всего лишь факт биографии», факт участия в конспиративном союзе, не более и не менее¹⁹.

Последняя трактовка термина «декабрист» выглядит наиболее полной и точной. Другие приведенные выше трактовки и подходы к определению этого понятия, как правило, являются следствием давления на историографию тех или иных идеологических конструкций: революционизирующих схем, представляющих тайные общества в виде некой политической партии с единой программой, стремящейся исключительно к «революционным действиям», или, напротив, ультра-консервативных шаблонов, живописующих декабристов как представителей тайного международного заговора и сторонников переворота, разрушающего любую государственность. По сути, эти позиции отражают одну и ту же схему, представленную в различном контексте и с противоположной коннотацией.

Нами предлагается охватывающий историческое явление целиком исторически конкретный подход к декабризму, представляющему самостоятельное течение в общественно-политической жизни России 1-й четверти XIX в. Оно выразилось в ряде преемственно сменяющих друг друга тайных обществ, имеющих единый круг основателей и руководящих лидеров. Именно этот ряд тайных обществ предлагается считать декабристскими, а всех их участников — декабристами.

Участников сосуществовавших с ними кружков, союзов и масонских лож, даже в случае их политического характера и идейной близости к декабрист-

ской конспирации, если придерживаться принципа исторической конкретности и точности, причислять к декабристам нет достаточных оснований — ведь они в подавляющем своем большинстве не имели организационных отношений с теми тайными обществами, существование которых завершилось открытыми военными выступлениями 1825–1826 гг. Причисление современных декабристам тайных кружков и обществ, в том числе оппозиционного политического характера, не имевших организационных связей с основным «стволом» декабристского движения, было бы несомненной и существенной натяжкой²⁰.

Таким образом, движение декабристов рассматривается как единое течение оппозиционных политических тайных союзов, преемственно связанных между собой, в том числе наследовавших друг другу в организационном и персональном плане (единый круг учредителей и руководителей). Все их участники — декабристы. При таком подходе вместо очередной схемы или шаблона, ограничивающих понимание термина «декабрист» теми или иными отдельными категориями участников данного общественно-политического движения, предлагается целостный, наиболее полный взгляд на это понятие и его смысловое содержание.

Предложив такое понимание термина «декабрист», автор настоящей статьи встретил положительную оценку со стороны специалистов, понимающих задачи изучения декабристского движения на современном этапе — Т. В. Андреевой, В. М. Боковой, В. С. Парсамова, В. А. Шкерина²¹. В их устных и письменных откликах, научных трудах содержатся конструктивные поправки, соображения, уточняющие и дополняющие наши построения. Вместе с тем, оказалось неожиданностью, что в научном сообществе присутствуют исследователи, считающие, что существующий логический разнобой в научной литературе, нестыковки и противоречия в понимании термина «декабристы» — это ситуация нормы. Появилась даже негативная реакция, мотивация которой не вполне понятна и лежит, вероятно, в плоскости личных мотивов, либо в особенностях восприятия этими исследователями понятий «научная конкуренция», «власть (влияние) в науке». Складывается впечатление, что им удобно положение, когда термины не имеют ясного содержания, трактуются по-разному, когда относительно них отсутствует консенсус среди ученых, господствует хаос историографических интерпретаций.

Приходится вернуться назад и сказать несколько слов об упомянутой ранее «дискуссии», которой по существу не было. Оппонирующая сторона объявила автора настоящей статьи сторонником «расширительного подхода»²². С этим можно согласиться, учитывая преобладание в историографии узких трактовок понятия «декабрист», ограничивающих всю совокупность участников движения лишь некоторой их частью. Мы действительно стремимся расширить искусственно суженные в историографии научные представления о составе участников тайных союзов, ограниченные рамки содержания укрепившегося в историографии понятия «декабрист». Однако интерпретация предложенного

«расширительного подхода» в изложении участников дискуссии оказалась совершенно неверной. По существу, была произведена подмена нашей позиции, она была предвзято изложена, после чего начался спор с этой неверно представленной позицией. Согласно изложению О. И. Киянской, мы предлагали относиться к декабристам «всех сочувствующих, родственников и знакомых», всех, кто что-либо знал о тайных обществах и, наконец, всех, кто помещен в «Алфавит» А. Д. Боровкова²³. Разумеется, ни один исследователь не стал бы исповедовать «расширительный подход», сформулированный в столь абсурдном виде. Особое недоумение вызывает тот факт, что автор настоящей статьи никогда такого не утверждал, тем не менее ему это было приписано и с этим «расширительным подходом» спорили. Далее было объяснено, что, по всей видимости, в отличие от других тематических областей исторической науки, в истории декабризма понятие «декабристы» в принципе неопределимо: ему никогда нельзя будет дать непротиворечивую трактовку по причине одновременного существования идеологических схем, клише и догм, не позволяющих перейти к чему-то иному. На этом возражения по существу были исчерпаны, уступив место жанру литературного фельетона²⁴.

Что же на деле можно предложить в обоснование поддерживаемой нами трактовки? Единое понимание устоявшегося и общепринятого исторического термина возможно и необходимо. Как это, собственно говоря, имеет место в других областях исторического знания. Достижение единого понимания может растянуться на многие годы, но оно вполне реалистично при условии постепенного формирования консенсуса в научном сообществе относительно определенного понимания того или иного понятия.

В ответ на критерий отнесения к декабристам, предложенный Б. И. Сыромятниковым, М. В. Нечкина сформулировала другой критерий — наличие «деятельности во имя целей [тайного] общества, реального вклада в движение»²⁵. Но возникает вопрос: что понимать под «деятельностью», под «реальным вкладом», как их вычислить и измерить? Состояние имеющихся источников таково, что и то и другое не всегда отражается в достаточной степени в двух главных документальных комплексах — судебно-следственных материалах и источниках личного происхождения (мемуары, другие памятники письменного наследия декабристов). В этой связи приходится корректировать формулировку М. В. Нечкиной, приближаясь к более точному критерию, четко отражающемуся в существующих источниках — критерию достоверно установленного участия (членства) в тайных союзах, заговоре и военных выступлениях 1825–1826 гг. Выработка и обоснование этого критерия производились и на предыдущем историографическом этапе, и достаточно успешно.

В 1980-х гг. намечился определенный прогресс в формулировании точных научных критериев отнесения к декабристам, в связи с подготовкой биографического справочника «Декабристы». Его составитель С. В. Мироненко в сопроводительной статье к справочнику обозначил два варианта этого критерия:

1) «бесспорно решает вопрос лишь признание самого [лица] в принадлежности к тайному обществу»; 2) следует считать декабристами тех, «чьи имена, как членов тайного общества, назвали сами декабристы»²⁶.

Таким образом, если в первом случае единственным объективным основанием отнесения к декабристам служило собственное признание того или иного лица в принадлежности к тайному обществу декабристского ряда (отраженное в следственных показаниях, либо в других источниках), то во втором случае подразумевалось свидетельство не только самого обвиняемого, но и других осведомленных лиц — его товарищей по тайным обществам. Разница между этими двумя вариантами существенна и принципиальна.

Типологические особенности следственных показаний как исторического источника заставляют признать первый вариант не вполне точным и объективным. С одной стороны, исследователи знакомы со случаями самооговора посторонних лиц, желавших, к примеру, обратить на себя внимание правительства²⁷, с другой стороны — многие обвиняемые в ходе следствия длительное время не признавали себя участниками тайного общества, зная, чем грозит это признание, а некоторые из них отрицали это до конца, но при этом обличались показаниями других подследственных, либо, в ряде случаев, их принадлежность к декабристским союзам подтверждается указаниями других источников (прежде всего мемуарного характера)²⁸. В распоряжении исследователя имеются точные и недвусмысленные свидетельства об имевших место случаях сговора привлеченных к следствию лиц с целью не давать показаний, которые могли послужить основанием для обвинения в «государственном преступлении», а также не называть имен²⁹. Как известно, в первоначальных показаниях значительная группа подследственных, включая некоторых лидеров тайных обществ, отрицала существование конспиративных обществ, не говоря уже о какой-либо своей причастности к таковым³⁰. Принимая это во внимание, принцип опоры на собственное признание как базовый определяющий критерий, устанавливающий принадлежность к декабристам, должен быть отвергнут в силу своей несомненной ненадежности. Прибегая к этому критерию, исследователь обрекает себя на воссоздание неполной, искаженной картины причастности к декабристскому движению многих персоналий.

В конечном счете ответ на вопрос, кого считать декабристом, каков должен быть точный и научно обоснованный критерий отнесения тех или иных лиц к числу участников декабристского движения, заключается в установлении (с помощью процедур критики и сопоставления документальных свидетельств, принадлежащих осведомленным лицам) факта принадлежности к тайному союзу и участия в военном заговоре и открытых выступлениях 1825–1826 гг. В этом случае исторические представления о декабристах приближаются к большей точности и конкретности, формируется более совершенная практика исследовательской работы, научные построения освобождаются от идеологизированных схем и шаблонов, искусственно ограничивающих научный взгляд на события и персоналии.

Почему в настоящей статье уделяется столько места вопросу терминологии и методики исследования — кого считать декабристом и на каком основании? Что это меняет в наших представлениях, что вносит нового в научную традицию? Говоря о научном значении (как теоретическом, так и практическом) применения нового подхода, опирающегося на последовательное внедрение критерия отнесения к декабристам на основе критически проверенного документального свидетельства об участии в тайном обществе, заговоре и военных выступлениях 1825–1826 гг., необходимо отметить следующее.

Во-первых, это значительное расширение, обогащение и одновременно уточнение существующих научных представлений в описании и анализе феномена декабризма. Появляются новые предметы и объекты изучения, требующие отдельного самостоятельного исследования. Новое решение вопроса «кто такие декабристы?» определяет и новые методы, и конкретные подходы в изучении тех или иных сторон декабризма — фактологии, истории идей, организационной истории, а также источниковедческих проблем и т.д.

Во-вторых, это преодоление преимущественного внимания к политическому радикализму, привлечение исследовательского интереса к нерадикальным позициям внутри тайных обществ, принципиальный отход не только от концепции «дворянской революционности», но и от методологии изучения декабризма, утвердившейся в результате господства этой концепции в историографии. Шкала политических позиций с идеологически выстроенной системой оценок («чем радикальнее, тем лучше») была непосредственно связана с данной концепцией, как и предпочтение, отдаваемое в изучении радикальным течениям и взглядам³¹; в настоящее время и то, и другое потеряли свое значение. Включение в смысловое поле понятия «декабристы» всех участников тайных обществ, независимо от их взглядов и занимаемых тактических позиций, позволяет рассматривать это движение более широко и объемно, подходить к его изучению всесторонне и непредвзято. В новом концептуальном разрезе оказывается важным рассмотрение «декабристского потока» тайных обществ как одного из проявленных течений либерального характера в русском обществе, отличающегося самостоятельной политической активностью, проявляющейся в рамках конспиративных союзов и кружков, склонного к радикализации в условиях постепенного отхода власти от реформаторской политики, ее эволюции в сторону охранительной политической системы.

В-третьих, одним из самых важных и значимых последствий предложенного подхода представляется увеличение числа исследуемых персоналий, активизация исследований в области биографики, что влечет расширение базы данных о самом движении, обогащение представлений об его идеологии, деятельности отдельных кружков и обществ, т.е. о фактологической стороне изучаемого явления.

В-четвертых, новое понимание существенным образом расширяет и обогащает источниковую базу декабристоведческих исследований, «пополняя» ее наследием всех категорий участников движения. В этом смысле значение пред-

лагаемого понимания понятия «декабрист» трудно переоценить, так как подавляющая часть письменного наследия тех, кто не был репрессирован по итогам судебно-следственного процесса, еще в достаточной мере не изучалась: либо вовсе не исследовалась, либо только лишь затронута научной разработкой (по крайней мере, в контексте декабристского опыта того или иного исторического персонажа).

В-пятых, давно наступило время для изучения рядовых деятелей движения декабристов, так называемого «массового декабриста». «Рядовые участники» тайных союзов составляют значительную часть тех, кто избежал судебного приговора. Несмотря на имеющуюся обширную литературу, такого рода исследования встречаются сравнительно редко, главным образом — на уровне историко-краеведческой литературы и биографических справочников. Новый взгляд актуализирует данное направление научных исследований.

Наконец, в-шестых, новый подход коренным образом влияет на подготовку обобщающих трудов, справочных изданий, изменяя их содержание и внутреннюю структуру.

Всё сказанное говорит о приближении к большей полноте, точности и объективности научных исследований в области декабристоведения. По существу, речь идет о распространении понятия «декабрист» на всех участников тайных обществ определенного ряда, военного заговора и открытых выступлений 1825–1826 гг.

На историографическую сцену выходят «другие декабристы» — те, кто избежал наказания, кто не был предан суду по итогам судебно-следственного процесса, кто, в значительной своей массе, был сочтен в предшествующей историографии недостаточно радикальным, и, в этой связи, как правило, «не удостоился» звания «декабриста» в идеологизированных построениях историков на протяжении многих десятилетий. Стоит сказать и о том, что в количественном отношении эта часть участников декабристского движения больше, чем число осужденных, приблизительно в три раза.

Декабристы, избежавшие судебного приговора, в своем большинстве редко привлекали внимание исследователей вплоть до настоящего времени. Только некоторые представители категории административно наказанных удостоились специального освещения в научной традиции (Ф. Н. Глинка, И. Г. Бурцов, М. Ф. Орлов) — как правило, в силу их особой роли в движении декабристов или значимости литературно-публицистического наследия. Ряд фигур попали в поле зрения историков не в связи с их декабристским опытом, а по другим причинам (М. Н. Муравьев, В. А. Перовский, Я. И. Ростовцев и др.). Только в последние годы к декабристам, избежавшим суда, обращается специальное внимание историков³². В качестве показательных примеров можно привести недавнее исследование записей А. В. Семенова в записной книжке, принадлежащей семейству Ф. П. Львова, представляющих собой «кредо» либерала-конституционалиста 1810-х гг., публикацию и исследование записок Н. И. Кутузова,

осуществленные А. В. Семеновой и автором настоящей статьи³³. В этой связи нельзя не упомянуть и готовящуюся публикацию письменного наследия и воспоминаний С. П. Шипова.

Первые опыты монографического исследования биографии, служебной деятельности и мировоззрения декабристов, избежавших суда, также уже состоялись. В этой связи нельзя не упомянуть монографию В. А. Шкерина, одного из первопроходцев в данной проблематике, с характерным заглавием «Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I», которое еще недавно вызвало бы определенное недоумение у представителей традиционной историографии декабризма³⁴. Избранная проблематика и подходы, продемонстрированные автором, отличаются новаторским характером. В центре внимания историка декабристы, получившие «высочайшее прощение» или вовсе не привлекавшиеся к следствию. В книге освещается государственная деятельность и взгляды бывших участников тайных обществ, занявших видные посты в царствование Николая I (министр внутренних дел Л. А. Перовский, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, обер-прокурор Святейшего Синода С. Д. Нечаев, Прибалтийский генерал-губернатор А. А. Суворов, Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский), прослеживается влияние первоначального комплекса «декабристских идей» на их последующую государственную деятельность и общественно-политические взгляды.

Результаты исследований в этом направлении свидетельствуют об особом значении обращения к документам и материалам, относящимся к декабристам, представляющим упомянутые выше категории участников движения, еще слабо охваченные систематическим и углубленным изучением. Исследования В. А. Шкерина, статьи и публикации А. В. Семеновой и автора настоящей статьи, проводящееся в настоящее время изучение письменного наследия С. П. Шипова подводят нас к практически неизученной проблеме транзита декабристского политического сознания, «декабристского либерализма» в условиях николаевского царствования. Трансформация декабристского «комплекса идей» после 1825 г. имела различные варианты на групповом и персональном уровне, определяемые несколькими основными факторами: исходным набором идеологических доминант, приверженностью к умеренно-либеральным или радикальным взглядам, степенью вовлеченности в оппозиционную политическую деятельность и отхода от участия в тайных обществах, наметившегося к 1825 г., а также конкретными жизненными обстоятельствами: личными связями с «декабристским ядром», востребованностью на государственной службе и т.д. Существенное влияние на последующую судьбу и дальнейшую эволюцию политического мировоззрения в каждом конкретном случае оказал тот или иной исход судебно-следственного процесса 1825–1826 гг.

Изучение «других декабристов» (помимо сравнительно хорошо изученной группы осужденных по приговору суда, получившей легендарный ореол в историко-публицистической традиции) — тех, кто избежал репрессий и продолжал

находиться на государственной службе, их взглядов и почти не разработанного письменного наследия, представляется нам плодотворным и перспективным, потому что существенным образом корректирует научные представления о декабристском движении в целом, а также о «декабристском поколении» в историко-антропологическом измерении, и должно быть продолжено. Без принципиального обновления содержания понятия «декабрист», без целостного восприятия декабристского движения во всей его полноте крайне затруднительно дальнейшее развитие историографии, углубление научных знаний о данном историческом явлении, невозможно преодоление идеологических схем, исторической мифологии, историографических стереотипов.

¹ *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009; *Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001 (2-е изд.: М., 2010).

² См.: *Пушкина В. А., Ильин П. В.* Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826): Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 9–77; *Ильин П. В.* 1) Безвестные декабристы: о лицах, не вошедших в «Алфавит» А. Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 363–468; 2) Предполагаемые декабристы: обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2002. Вып. 5. С. 95–213; 3) Прощенные декабристы: участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., освобожденные от наказания // Освободительное движение в России. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 8–43; 4) Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004; 5) Персональный состав тайных обществ декабристов. Проблемы изучения // Отечественная история. 2004. № 6. С. 117–126; 6) Историческая реконструкция состава участников «декабристского движения»: основные аспекты исследования // Освободительное движение в России. Вып. 21. Саратов, 2006. С. 30–42; 7) Неподтвержденное (снятое) обвинение на следственном процессе 1825–1826 гг.: к постановке вопроса об оправданных участниках декабристских обществ // Освободительное движение в России. Вып. 23. Саратов, 2009. С. 47–82; 8) Проблема реконструкции персонального состава тайных обществ декабристов в современной историографии (некоторые спорные вопросы) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2010. Вып. 8. С. 418–457.

³ См. об этом: *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 19–21.

⁴ Есть основание, с известными оговорками, отнести к числу таких случаев ознакомившегося с «Зеленой книгой» (устав Союза благоденствия) С. С. Ланского, будущего министра внутренних дел, известного масона, тесно связанного по масонским отношениям с основателем первых декабристских обществ А. Н. Муравьевым, и других кратковременно находившихся в Союзе благоденствия лиц.

⁵ См. об этом: *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 19–21, 160–161.

⁶ *Пушкина В. А., Ильин П. В.* Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826): Справочный указатель; *Рахматуллин М. А.* 1) Новое периодическое издание по истории движения декабристов состоялось // Отечественная история. 2000. № 6. С. 102–114; 2) Кого считать декабристом? Историографические заметки /// Империя и либералы. СПб., 2001. С. 230–242; *Эрлих С. Е., Ильин П. В.* Ред.: Империя и либералы. СПб., 2001 // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. СПб., 2004. С. 514–536; *Бокова В. М.* «Больной скорее жив, чем мертв»:

- заметки об отечественном декабристоведении 1990-х годов // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб., 2001. С. 497–561; *Киянская О. И.* Кто такие декабристы и за что они боролись // Отечественная история. 2001. № 5. С. 207–212; *Ильин П. В.* К вопросу о содержании термина «декабристы» // Отечественная история. 2002. № 6. С. 202–203; *Фельдман Д. М.* Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 663–713; *Казьмирчук Г. Д., Латыш Ю. В.* Современное декабристоведение на постсоветском пространстве // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 640–662; *Ильин П. В.* Проблема реконструкции персонального состава тайных обществ декабристов в современной историографии (некоторые спорные вопросы). См. также статьи С. Е. Эрлиха (см. примеч. 7).
- ⁷ *Эрлих С. Е.* 1) Декабристы «по понятиям»: определения словарей (1863–1998) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб., 2000. С. 283–302; 2) Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994 гг.) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3. СПб., 2000. С. 258–313.
- ⁸ *Нечкина М. В.* Когда и где возникло слово «декабристы» // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 18–19.
- ⁹ См.: *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы». Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 137–138, 181–182; *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 116–132, 348–352.
- ¹⁰ Примером несомненно произвольного решения на процессе декабристов служит дело М. И. Пущина, осужденного за то, что «знал о приготовлении к мятежу, но не донес» (Восстание декабристов. Документы. Т. 17. М., 1980. С. 234), но такая формулировка «вины» могла быть предъявлена многим избежавшим суда, причем как административно наказанным, так и тем, кто не получил никакого наказания. Произвольными в значительной части были как приговоры суда, так и решения о несудебных репрессиях и освобождении от ответственности.
- ¹¹ См.: *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 402; *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы». Следствие и суд над декабристами. С. 66, 218–219.
- ¹² Принадлежность этой категории лиц к декабристским обществам устанавливается в основном по мемуарным источникам. Они составили большую часть персоналій в разделе «Декабристы, не вошедшие в “Алфавит” А. Д. Боровкова и выявленные по другим источникам» биографического справочника декабристов (Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 211–214). Ср.: *Ильин П. В.* Безвестные декабристы. О лицах, не вошедших в «Алфавит» А. Д. Боровкова.
- ¹³ *Иштутин В. В.* Первая конституция декабристов: «Много было сходства с американской» (о конституционном проекте М. Н. Новикова) // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 14–28.
- ¹⁴ М. А. Рахматуллин, обосновывая принцип полного доверия к официальному правительственному заключению, считал итоговые формулировки следствия или суда «дотошно проверенными и беспристрастными, с судебной точки зрения, сведениями» (*Рахматуллин М. А.* Кого считать декабристом? Историографические заметки. С. 240).
- ¹⁵ Некоторые соображения о критическом анализе и сопоставлении следственных показаний: *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 162–173.
- ¹⁶ См., например, кейс Н. Н. Оржицкого, важные уличающие показания о котором не вошли в текст «Алфавита» (*Нечкина М. В.* Предисловие // Восстание декабристов. Документы. Т. 15. М., 1979. С. 12). Ср. итоговые выводы С. В. Мироненко о неполноте и неточности «Алфавита»: *Мироненко С. В.* Биографический справочник «Декабристы»: принципы издания. С. 391.
- ¹⁷ Достаточно перечислить некоторых лиц из категории освобожденных от ответственности, сыгравших важную роль в истории декабристских обществ: И. А. Долгоруков, Петр И. Колошин, П. П. Лопухин, М. Н. Муравьев, Ф. П. Толстой, И. П. и С. П. Шиповы.
- ¹⁸ Категория наказанных без суда занимает особое, «срединное» положение, поскольку эта часть участников движения подверглась репрессиям, и формально могла быть отнесена к декабристам, о чем свидетельствует приведенная выше точка зрения Б. И. Сыро-

- мятников. В отличие от осужденных, не получив в 1826 г. статус «государственного преступника» и проходя в официальной документации как «прикосновенные к делу», наказанные в административном порядке оказались фактически в одном ряду с теми категориями, в отношении которых в исторической традиции можно обнаружить противоречивые оценки, поэтому в настоящей статье они также рассматриваются в качестве «других декабристов».
- ¹⁹ *Бокова В. М.* «Больной скорее жив, чем мертв». Заметки об отечественном декабристоведении 1990-х годов. С. 526. Разумеется, эту формулу не следует понимать узко: речь идет о политической биографии — участии в деятельности конспиративных обществ, вовлеченности в политическое движение, приверженности политическим идеям, оппозирующим самодержавной форме власти.
- ²⁰ См. доводы в пользу включения в число декабристов участников современных им тайных кружков и обществ, организационно не связанных с «декабристской ветвью» — на наш взгляд, внутренне противоречивые, размывающие содержание понятия «декабристы»: *Казьмирчук Г. Д., Латыш Ю. В.* Современное декабристоведение на постсоветском пространстве. С. 645.
- ²¹ См. список литературы к настоящей статье.
- ²² *Киянская О. И.* Кто такие декабристы и за что они боролись // Отечественная история. 2001. № 5. С. 207.
- ²³ Там же. С. 208.
- ²⁴ *Фельдман Д. М.* Департамент приемов и уловок // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 8. СПб., 2010. С. 458–490.
- ²⁵ *Нечкина М. В.* Когда и где возникло слово «декабристы». С. 18.
- ²⁶ *Мироненко С. В.* Биографический справочник декабристов: принципы издания // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 392, 383.
- ²⁷ См., например, случай И. И. Голеевского, назвавшего себя членом тайного общества, а затем признавшегося, что сделал это намеренно для привлечения к себе внимания правительства (Декабристы. Биографический справочник. С. 53, 245).
- ²⁸ Подробнее о различных вариантах тактики защиты декабристов на следствии, в том числе о «запирательстве», см.: *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 166–182.
- ²⁹ Обзор документально фиксируемых случаев сговора о сокрытии участия в тайных союзах см.: *Ильин П. В.* Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. // Русская история и историческая мысль XIX–XX вв. Сб. ст. к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 185–195.
- ³⁰ *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы»: следствие и суд над декабристами. С. 175–177.
- ³¹ См., например, характеристику исследовательских предпочтений М. К. Азадовского: *Житомирская С. В.* М. К. Азадовский — историк декабризма // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Т. 1. Иркутск, 1991. С. 46–47.
- ³² См.: *Шкерин В. А.* Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008; *Ильин П. В.* Новое о декабристах.
- ³³ *Ильин П. В.* Новый источник для изучения «декабристского либерализма»: записи А. В. Семенова в записной книжке, принадлежавшей семейству Ф. П. Львова (1821 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 29. СПб., 2005. С. 445–462; «Истинное изображение нравственного состояния войск». Записка декабриста Н. И. Кутузова Николаю I 1826 г. / Публ. А. В. Семеновой // Исторический архив. 2000. № 6. С. 30–45; Записка Н. И. Кутузова «О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства» / Публ. П. В. Ильина // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 79–117.
- ³⁴ См. примеч. 33.

References

ANDREEVA T. V. *Tajnye obshchestva v Rossii v pervoj treti XIX veka: Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie*. [Secret societies in Russia in the first third of the XIX century: Government policy and public opinion. In Russ.]. St Petersburg, 2009.

BOKOVA V. M. "Bol'noj skoree zhit, chem merto": zametki ob otechestvennom dekabristovedenii 1990-h gg. ["The patient is more likely to be alive than dead": notes on the Decembrists' studies of the 1990s. In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. St Petersburg; Chisinau, 2001. Vyp. 4. P. 497–561.

BOKOVA V. M. *Epokha tajnykh obshchestv. Russkie obshchestvennye ob'edineniya pervoj treti XIX v.* [Era of the secret societies. Russian public associations of the first third of the XIX century. In Russ.]. Moscow, 2003.

ERLICH S. E. *Dekabristy "po ponyatiyam": opredeleniya slovaraj (1863–1998)* [The Decembrists "according to the concepts": the definitions of dictionaries (1863–1998). In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. 2. St. Petersburg; Chisinau, 2000. P. 283–302.

ERLICH S. E. *Kogo schitat' dekabristom? Otvet sovetskogo dekabristovedeniya (po materialam bibliograficheskikh ukazatelej 1929–1994 gg.)* [Ehrlich S. E. Who is a decembrist? Reply of the Soviet Decembrists studies (based on the bibliographic indexes of 1929–1994). In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. 3. St Petersburg; Chisinau, 2000. P. 258–313.

ERLICH S. E., ILYIN P. V. *Rec.: Imperiya i liberaly. SPb., 2001* [Review: Empire and Liberals. St Petersburg, 2001. In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. 6. St Petersburg, 2004. P. 514–536.

FEDOROV V. A. "Svoey sud'boy gordimsya my". *Sledstviye i sud nad dekabristami*. ["We are proud of our destiny". The investigation and trial of the Decembrists. In Russ.]. Moscow, 1988.

FELDMAN D. M. *Departament priemov i ulovok* [Department of techniques and tricks. In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. 8. St Petersburg, 2010. P. 458–490.

FELDMAN D. M. *Dekabristovedenie segodnya: terminologiya, ideologiya, metodologiya* [Decembrists studies today: Terminology, Ideology, and Methodology. In Russ.] // Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody. Moscow, 2008. P. 663–713.

ILYIN P. V. *Novyj istochnik dlya izucheniya "dekabristskogo liberalizma": zapisi A. V. Semenova v zapisnoj knizhke, primadlezhashchej semeystvu F. P. Lvova (1821 g.)* [A new source for the study of "the Decembrists' liberalism": A. V. Semenov's notes in a notebook belonging to the family of F. P. Lvov (1821). In Russ.] // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. T. 29. St Petersburg, 2005. P. 445–462.

ILYIN P. V. *Bezvestnye dekabristy: o licah, ne voshedshih v "Alfavit" A. D. Borovkova* [Unknown Decembrists: about persons, not included in the A. D. Borovkov's "Alphabet". In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. St Petersburg; Chisinau, 2001. Vyp. 4. P. 363–468.

ILYIN P. V. *Istoricheskaya rekonstruktsiya sostava uchastnikov "dekabristskogo dvizheniya": osnovnye aspekty issledovaniya* [Historical reconstruction of the participants "the Decembrists movement": the main aspects of research. In Russ.] // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Vyp. 21. Saratov, 2006. P. 30–42.

ILYIN P. V. *K voprosu o sodержanii termina "dekabristy"* [To the question about the meaning of the term "Decembrists". In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2002. N 6. P. 202–203.

ILYIN P. V. *Nepodtverzhdennoe (snyatoe) obvinenie na sledstvennom processe 1825–1826 gg.: k postanovke voprosa ob opravdannykh uchastnikakh dekabristskikh obshchestv* [The unacknowledged (dropped) charge on the investigative process 1825–1826: to the question about justified participants in the Decembrist societies. In Russ.] // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Vyp. 23. Saratov, 2009. P. 47–82.

ILYIN P. V. *Novoe o dekabristah. Proshchennyye, opravdannye i ne obnaruzhennyye sledstviem uchastniki tajnykh obshchestv i voennykh vystuplenij 1825–1826 gg.* [New about the Decembrists. Pardoned, justified and not discovered by the investigation participants of secret societies and military uprisings 1825–1826. In Russ.]. St Petersburg, 2004.

ILYIN P. V. *Obmanushie sledstvie: k izucheniyu metodov i priemov zashchity obvinyaemykh na processe dekabristov 1825–1826 gg.* [Deceived the investigation: to study the methods and techniques of protection of the accused at the process in the Decembrists case, 1825–1826. In Russ.] // Russkaya istoriya i istoricheskaya mysl' XIX–XX vv. Sb. st. k 75-letiyu A. N. Tsamutali. St Petersburg, 2006. P. 185–195.

ILYIN P. V. *Personal'nyj sostav tajnykh obshchestv dekabristov. Problemy izucheniya* [Personal composition of the secret societies of the Decembrists. Problems of study. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2004. N 6. P. 117–126.

ILYIN P. V. *Predpolagaemye dekabristy: obzor ukazaniy istochnikov o vozmozhnykh uchastnikakh tajnykh obshchestv i voennykh vystuplenij 1825–1826 gg.* [Prospective Decembrists: an overview of the sources' indications

on possible participants in secret societies and military uprisings 1825–1826. In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. St. Petersburg: Chisinau, 2002. Vol. 5. P. 95–213.

ILYIN P. V. *Problema rekonstruktsii personal'nogo sostava tajnykh obshchestv dekabristov v sovremennoj istoriografii (nekotorye spornye voprosy)* [The Problem of reconstruction of the personal composition of Decembrists secret societies in modern historiography (some controversial issues). In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. St Petersburg, 2010. Vyp. 8. P. 418–457.

ILYIN P. V. *Proshchennyye dekabristy: uchastniki tajnykh obshchestv i voennykh vystuplenij 1825–1826 gg., osvobodivshiesya ot nakazaniya* [Pardoned Decembrists: participants in secret societies and military uprisings of 1825–1826, freed from punishment. In Russ.] // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Vyp. 20. Saratov, 2003. P. 8–43.

ISHUTIN V. V. *Pervaya konstitutsiya dekabristov: "Mnogo bylo skhodstva s amerikanskoyu" (o konstitutsionnom projekte M. N. Novikova)* [The first constitution of the Decembrists: "There were many similarities with the American" (on the constitutional project of M. N. Novikov). In Russ.] // Voprosy istorii. 2012. N 12. P. 14–28.

KAZMIRCHUK G. D., LATYSH YU. V. *Sovremennoe dekabristovedenie na postsovetskom prostranstve* [Modern Decembrists studies in the Post-Soviet space. In Russ.] // Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody. Moscow, 2008. P. 640–662.

KIYANSKAYA O. I. *Kto takie dekabristy i za chto oni borolis'* [Who are the Decembrists and for what they fought. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2001. N 5. P. 207–212.

KOSTIN V. I. *Dekabrist F. N. Glinka: Avtoref. dis. ... kandidata istoricheskikh nauk.* [Decembrist F. N. Glinka. The Author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. In Russ.] Saratov, 1972.

MAKAROV V. B. *Dekabrist I. G. Burtsov.* [Decembrist I. G. Burtsov. In Russ.] Saratov, 1981.

MIRONENKO S. V. *Biograficheskij spravochnik dekabristov: printsipy izdaniya* [Biographical reference book of the Decembrists: principles of publication. In Russ.] // Dekabristy. Biograficheskij spravochnik. Moscow, 1988.

NECHKINA M. V. *Dvizheniye dekabristov. T. 2.* [Movement of the Decembrists. Vol. 2. In Russ.] Moscow, 1955.

NECHKINA M. V. *Kogda i gde vozniklo slovo "dekabristy"* [When and where the word "Decembrists" arose. In Russ.] // Sibir' i dekabristy. Vyp. 1. Irkutsk, 1978.

PARSAMOV V. S. *Dekabristy i frantsuzskij liberalism.* [Decembrists and French Liberalism. In Russ.] Moscow, 2001 (2nd ed.: Moscow, 2010).

PAVLOVA L. YA. *Dekabrist M. F. Orlov.* [Decembrist M. F. Orlov. In Russ.] Moscow, 1964.

PUSHKINA V. A., ILYIN P. V. *Personal'nyj sostav dekabristicheskikh tajnykh obshchestv (1816–1826): Spravochnyj ukazatel'* [Personal composition of the Decembrists secret societies (1816–1826): Reference index. In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. St Petersburg: Chisinau, 2000. Vyp. 2. P. 9–77.

RAKHMATULLIN M. A. *Kogo schitat' dekabristom? Istoriograficheskie zametki* [Who can be considered a Decembrist? Historiographical notes. In Russ.] // Imperiya i liberaly. St Petersburg, 2001. P. 230–242.

RAKHMATULLIN M. A. *Novoe periodicheskoe izdanie po istorii dvizheniya dekabristov sostoyalos'* [A new periodical on the history of the Decembrists movement took place. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2000. N 6. P. 102–114.

SHKERIN V. A. *Dekabristy na gosudarstvennoj sluzhbe v epohu Nikolaya I.* [Decembrists in the public service in the era of Nicholas I. In Russ.] Ekaterinburg, 2008.

ZHITOMIRSKAYA S. V. M. K. *Azadovskiy — istorik dekabrizma* [M. K. Azadovsky — a historian of Decembrism. In Russ.] // Azadovskiy M. K. Stranitsy istorii dekabrizma. Irkutsk, 1991. Vol. 1. P. 3–54.

Список литературы

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Бокова В. М. «Больной скорее жив, чем мертв»: заметки об отечественном декабристоведеии 1990-х годов // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 497–561.

Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. Восстание декабристов. Документы. Т. 17. М., 1980.

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Житомирская С. В. М. К. Азадовский — историк декабризма // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Т. 1. Иркутск, 1991. С. 3–54.

Ильин П. В. Безвестные декабристы: о лицах, не вошедших в «Алфавит» А. Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 363–468.

Ильин П. В. К вопросу о содержании термина «декабристы» // Отечественная история. 2002. № 6. С. 202–203.

Ильин П. В. Предполагаемые декабристы: обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2002. Вып. 5. С. 95–213.

Ильин П. В. Прощенные декабристы: участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., освобожденные от наказания // Освободительное движение в России. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 8–43.

Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.

Ильин П. В. Персональный состав тайных обществ декабристов. Проблемы изучения // Отечественная история. 2004. № 6. С. 117–126.

Ильин П. В. Новый источник для изучения «декабристского либерализма»: записи А. В. Семенова в записной книжке, принадлежащей семейству Ф. П. Львова (1821 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 29. СПб., 2005. С. 445–462.

Ильин П. В. Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. // Русская история и историческая мысль XIX–XX вв.: Сб. ст. к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 185–195.

Ильин П. В. Историческая реконструкция состава участников «декабристского движения»: основные аспекты исследования // Освободительное движение в России. Вып. 21. Саратов, 2006. С. 30–42.

Ильин П. В. Неподтвержденное (снятое) обвинение на следственном процессе 1825–1826 гг.: к постановке вопроса об оправданных участниках декабристских обществ // Освободительное движение в России. Вып. 23. Саратов, 2009. С. 47–82.

Ильин П. В. Проблема реконструкции персонального состава тайных обществ декабристов в современной историографии (некоторые спорные вопросы) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2010. Вып. 8. С. 418–457.

Ищутин В. В. Первая конституция декабристов: «Много было сходства с американской» (о конституционном проекте М. Н. Новикова) // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 14–28.

Казьмирчук Г. Д., Латвиш Ю. В. Современное декабристоведение на постсоветском пространстве // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 640–662.

Клянская О. И. Кто такие декабристы и за что они боролись // Отечественная история. 2001. № 5. С. 207–212.

Костин В. И. Декабрист Ф. Н. Глинка. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1972.

Макаров В. Б. Декабрист И. Г. Бурцов. Саратов, 1981.

Мироненко С. В. Биографический справочник декабристов: принципы издания // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. М., 1955.

Нечкина М. В. Когда и где возникло слово «декабристы» // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978.

Павлова Л. Я. Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964.

Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001 (2-е изд.: М., 2010).

Пушкина В. А., Ильин П. В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826): Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 9–77.

Рахматуллин М. А. Новое периодическое издание по истории движения декабристов состоялось // Отечественная история. 2000. № 6. С. 102–114.

Рахматуллин М. А. Кого считать декабристом? Историографические заметки /// Империя и либералы. СПб., 2001. С. 230–242.

Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы». Следствие и суд над декабристами. М., 1988.

Фельдман Д. М. Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 663–713.

Фельдман Д. М. Департамент приемов и уловок // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 8. СПб., 2010. С. 458–490.

Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008.

Эрлих С. Е. Декабристы «по понятиям»: определения словарей (1863–1998) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 283–302.

Эрлих С. Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994 гг.) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3. СПб.; Кишинев, 2000. С. 258–313.

Эрлих С. Е., Ильин П. В. Рец.: Империя и либералы. СПб., 2001 // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. СПб., 2004. С. 514–536.

П. В. Ильин. «Другие декабристы»: деятели тайных обществ 1810–1820-х гг., избежавшие судебного приговора, как исследовательская проблема

В статье обсуждается содержание терминов «декабрист», «декабристы» и подводятся итоги состоявшегося в начале XXI в. обмена мнениями о смысловом наполнении данных терминов. Автор обосновывает точку зрения, согласно которой декабристами следует считать всех достоверно установленных участников тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., причем установленных не согласно вердикту официального следствия и суда, а в результате исследовательских процедур, критики всего комплекса имеющихся документальных свидетельств.

Автор впервые ставит задачу более полного охвата исторического явления, известного как «движение декабристов», полного включения в историческую разработку участников движения, избежавших наказания и сделавших служебную карьеру в царствования Николая I и Александра II. Предлагаемый новый подход позволяет более полно и точно характеризовать историю тайных обществ декабристов, приблизиться к исторически объективному и конкретному ее пониманию, полнее и содержательнее обследовать идейное наследие и письменные памятники, оставленные представителями различных категорий декабристов.

Ключевые слова: декабристоведение, термин «декабрист», тайные общества, судебно-следственный процесс, критика исторических источников, историография, биография.

P. V. Ilyin. “Other Decembrists”: figures of the secret societies of the 1810s–1820s, who escaped the court verdict, as a research problem

In this article, the content of the term “Decembrist” and “Decembrists” is discussed, and the results of the exchange of views on the semantic content of this terms that took place at the beginning of the 21st century are summarized. The author justifies the point of view according to which the Decembrists should consider all the authentically established participants in secret societies and military insurrections of 1825–1826, and not established by a verdict of the official investigation and court, but as a result of research procedures, criticism of available documentary evidence.

The author for the first time sets the task of more fully covering the historical phenomenon known as the “Decembrist movement”, the full inclusion in the historical development of figures who escaped punishment and made, in their notable part, a significant career in the reign of Nicholas I and Alexander II. The proposed new approach allows us to characterize the history of the secret societies of the Decembrists more fully and more accurately, to approach the historically objective and concrete understanding of this historical phenomenon, to more fully and more thoroughly explore the ideological heritage and written monuments left by representatives of various categories of the Decembrists.

Key words: the term “Decembrist”, Decembrist movement, secret societies, the judicial and investigative process, the criticism of historical sources, historiography, biography.

Ильин Павел Владимирович — к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Ilyin Pavel Vladimirovich — Ph. D., senior researcher, St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu